

Х.-Ф. БАЙЕР
Екатеринбург

ПРОБЛЕМА МНОГООБРАЗОВАННОСТИ И КРЕАТИВНОСТИ (по поводу статьи С.В.Красикова)

Трактуемую в статье С.В.Красикова проблему образования и креативности можно, мне кажется, очертить двумя высказываниями досократовских мыслителей, противоречащих друг другу:

Клеобул, сын Евагоры из Линдоса, сказал: «многообразован или необразован» (πολυμαθῆ ἢ ἀμαθῆ)¹. От Гераклита дошло до нас изречение: «Многообразованность не учит тому, чтобы иметь ум; ибо Гесиода научила бы, и Пифагора опять и Ксенофана и Гекатайя» (Πολυμαθίῃ νόον ἔχειν οὐ διδάσκει Ἡσίοδον γὰρ ἄν ἐδίδαξε καὶ Πυθαγόρῃν αὐτίς Ξενοφάνεά τε καὶ Ἑκαταίον)². Оба изречения сохранили действенность в определённом смысле до наших дней. Из положительного высказывания Клеобула можно сделать вывод, что полуобразованность следует причислить к необразованности, например, односторонний политический взгляд на происшествия. В нашем специализированном обществе я даже не знаю о большинстве окружающих меня вещей, как они работают. Я не знаю, как работают пылесос, холодильник, телевизор, компьютер. Но я должен знать, по крайней мере, тех, кто знает, как функционируют эти вещи, чтобы обратиться к ним в случае необходимости. От таких людей я зависим. От американцев, например, используя компьютеры, от русских специалистов, устраняющих из компьютеров вирусы, посланные американцами намеренно или ненамеренно. Иначе у меня нет связи с реальностью.

Отрицательная оценка Гераклитом многообразованности гораздо более проблематична. Она содержит противоречие, потому что свидетельствует о том, что её автор сам «образовывался», то есть занимался ведущими мыслителями своего времени по крайней мере до такой степени, что смог

¹ DIELS H. – KRANZ W. Fragmente der Vorsokratiker. Dublin – Zürich, 1966. Bd 1. S. 63.3.

² Herakleitos//Ibid., S. 160.3-6.

прийти к выводу об их безумии. Делать это высказывание основанием программы образования, значило бы отказаться от самого образования и замечать его, придерживаясь гераклитовского логоса, некими кажущимися разумными размышлениями. Каким ущербом было бы отказаться, например, от Пифагора, основателя математики, или от Ксенофана, основателя научной критики религии! Чтобы быть креативным, надо учиться, ибо без фактора обучения креативности нет.

С другой стороны, Гераклит, однако, нередко прав. Можешь опровергнуть теогонию Гесиода тысячи раз самыми лучшими аргументами, всё же язычники принимали учение Гесиода за истину до конца античности. Можешь доказать, что Иисус не мог быть богом, потому что конечное не может обнимать бесконечное. Можешь обосновывать свой тезис и тем, что Иисус признал сам, что он не Бог, говоря, что Бог оставил его. Всё же приходят специалисты и говорят: ты не прочтёл ту и ту книгу, хотя во всех книгах, на которые они делают ссылку, авторы предоставляют только одну и ту же ошибку в преобразованной форме. Эти специалисты теологических и не-теологических факультетов руководствуются в своих возражениях не аргументами науки, но страхом: какой ущерб! в одном случае нарушается вся прекрасная античная мифология – её разрушением гордились, однако, христиане, – в другом – рушится христианство, что мы уже видели; во время Французской Революции продавали соборы, в советские времена разрушали храмы. Устрашаешься сам. Ты обнаружил, что Иисус не был Богом! Лучше не говорить об этом.

Но такое поведение недостойно науки. Быть профессором означает публично провозглашать, что обнаружил. Обновленное чтение плача Шиллера о богах Греции не растрогало меня до слёз. Только одно – вывод поэта, сделанный им с горечью, остался, как уже случилось ранее, достойным дальнейшего размышления: «Чтобы Одного обогатить среди всех, должен был погибнуть этот мир богов»³. Этому Одному да отдаст и Иисус своё божество!

Всегда есть утешения: ты хочешь, чтобы Христос, помазанный к погребению (Мк. 14, 8), воскрес. Не верь мальчику в гробу, сказавшему женщинам: он воскрес (Мк. 16,6). Он солгал, по всей вероятности. Воскреси его сам, если тебе это желательно, или оставь его в покое, если являешься безразличным. Ты сам хочешь воскреснуть в более хорошем мире? Заботься об улучшении этого мира, так что найдешь более хорошие условия при возможном возрождении в Боснии, Косово, Белграде, Чечне и т.д. «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мт. 5,5). Осуществи предусловие, и можешь жить там. Если лежишь в больнице и врачи, получая русскую

³ SCHILLER F. Die Götter Griechenlands (1 версия, строфа 13 = 2 версия, строфа 20): «Einen zu bereichern unter allen, | Mußte diese Götterwelt vergehn».

зарплату, стараются искренне самими современными инструментами и лекарствами спасти твою жизнь, то можешь, как историк, возвести их желание к Иисусу. Если обидишь Иисуса или человека, который исцелит тебя от его имени, получив утешение в самих критических мгновениях, то это неблагоприятно и неприлично.

Скот Эригена прав говоря, что *«правила языка соответствуют не вещам, но человеческим обычаям»*. Если он прав, то следует, что мы должны уважать язык, как и обычаи, но не более того, например, говорить в России по-русски. Если я, как нерусский, говорю: «Иисус не был Бог», и кто-то исправляет меня, говоря: это не правильно, и насмехается над моим неполным владением языком, говоря, что я «коверкаю» (σολοικίζω) его, как Григора сказал Варлааму, то он тем самым не оказывается заинтересован в сути дела. Совсем другой вопрос состоит в том, влияет ли занятие универсалиями и вообще идеализм на нашу жизнь.

Гордость Лоренцо Валлы в том, что он *«ознакомлен не с философией, но с много более важными красноречием и поэзией»*, может ввести нас в заблуждение при оценке этого великого исследователя XV века. Обнаружение им фальсификации «Дарования Константина» папе свидетельствует о том, что Валла занимался и содержанием того, что читал. Из раскрытия махинаций папства всё же не следует вывести, что первенство папы не согласуется с Православием. Неправильное учение о божестве Иисуса столкнулось через Павла в Риме с неправильным учением о божестве императоров и победило его более высоким уровнем нравственности так радикально, что в Риме уже остался не император, но только представитель «бога Христа». Обоснование папской власти не могло быть лучше и имело в истории не только отрицательные последствия. Так как католическая церковь никогда не была под властью нехристианских государств, она является и главным хранилищем христианского, в том числе и православного предания. Католики издавали большинство греческих церковных текстов, и их издания используются православными без особенной благодарности. Есть и другие преимущества. Более хорошая и эффективная благотворительная организация, чем католическая Caritas, на земном шаре вряд ли существует.

Власть папы, с другой стороны, и закат власти восточных церквей сделали Католическую церковь такой же высокомерной, как мусульман их победы над христианами. Поэтому она приписала себе и заслуги, которых у неё на самом деле нет. Свидетельством крайней слепоты является непризнание того факта, что все основные догматические решения были приняты на Востоке, что восточные епископы были ведущими при разрешении спорных вопросов и что западный вклад в дискуссии на соборах был вторичным. Если можно говорить при создании догмы о креативности, Восток, особенно греки, были гораздо более креативными, чем латиняне. Самые важ-

ные догмы были сотворены ими, в особенности учение о едином Боге в трёх лицах, от которого даже протестанты не отказались, выбросив большинство эллинских элементов религии за борт.

Также не следует обвинять греков в неметодичности. Точные методы исследования возникают только при постановке вопросов. Они должны быть разумными, они могут быть различными, они могут быть и ошибочными, в особенности, если нужно доказать что-то, что на самом деле не существует. Мы пока не можем сказать, что следует понимать под «методом» на Западе. Скорее это только метод изображения. Ни богослов ни философ не знает, откуда начинать методически рассуждать. С самого начала мира начинать нельзя, потому что об этом слишком мало знаем. Он должен начинать с известного. Лучше начинать с жизненного опыта. Спорили, например, в начале V в. о ранге Марии. Совсем беспредметным этот спор не был. Появилась возможность вообразить себе идеальную женщину, и это было важно для оценки женщин вообще. Что касается креативности в рамках христианства, следует не только рассматривать синтез библейского предания с эллинистическим наследием, но и учесть большой вклад менее известной сирийской культуры, находящейся ближе к тому, что совершилось во времена Иисуса в Иудее, и поражающей читателя нередко своей конгениальностью.

Возвратимся к Григору. Выставление напоказ собственной образованности, даже если она весьма обширна, не однозначно с креативностью. Таким образом человек может быть, самое большое, хорошим учителем. Мы знаем Григору как очень упорного и самоуверенного человека. Он не уступал ни императорам ни патриарху, требующим от него согласиться с учением, плохо обоснованным с точки зрения традиционного богословия. Но он не был негибким. Хотя он постоянно презрительно относился в своих ранних сочинениях к народу и людям, «пахнущим лопатой», почитание его народом из-за сопротивления власти во время собора 1351 г. наполнило его большим удовольствием⁴. Во время своего заключения он, глядя в окно, обратил внимание на уличного певца с кифарой, оплакивающего «постоянные нападения варваров вплоть до ворот города», «взятия в плен и убийства днём и ночью» и «кажется», он не понял всё точно, «взимание новейших налогов». Он описывает народ, собирающийся вокруг музыканта⁵. Он занимался, кроме того, жизненными проблемами маленьких людей, помогавших заключённым (а именно ему)⁶.

⁴ BEYER H.-V. Der Streit um Wesen und Energie und ein spätbyzantinischer Liedermacher. Bemerkungen zum 1. «Antirrhethikos» des Philotheos Kokkinos und dem ihm entsprechenden 1. Buch der 2. «Antirrhethikoi» des Nikephoros Gregoras// JÖB. 1986. Bd. 36. S. 269–271.

⁵ Ibid., 268.

⁶ Ibid., 272 и Anm. 40. Источник см.: Gregoras, Epistulae № 155 Leone.

Григора не только повторяет обычное византийское объяснение всего несчастья, которому подвергалась империя, собственными прегрешениями, в том числе и догматическими, в устах своего собеседника Агафангела⁷, но проникает и в настоящие причины упадка государства, говоря: «Кто осмелился потеряться в безумии [а именно догматическом] до такой степени, гораздо скорее, как кажется, посчитал ни за что законы государства... или не вкусив вообще качества блага... или из добровольного легкомыслия». Затем Григора занимается воистину политической экономией и тем самым становится предшественником Адама Смита, Карла Маркса и других. Как он это делает, стоит процитировать:

«Ибо, как явствует, эти экономические и политические законы, касающиеся через обращение годов возрастных разрядов, орошают, если хотят, с самого начала человеческий возраст, как источники весенних вод молодые растения, и их представительство, оказываясь более всего равновозрастным учителем для людей, может отпечатать в человеческие возрастные разряды правила нравственного уважения и воспитания подобающие природе и развивать то, что в природе зачаточно расположено, из дома домой приводить образы добродетели душе и предоставлять ей благородство, так сказать, автохтонного сельского хозяйства»⁸.

Несмотря на то, что даже поэтическая риторика автора нуждалась бы в определённой обработке, такой образ выражения не выделяет самое главное. Оно исчезает в многословии, и, когда упоминается, то называется «как, так сказать, автохтонное сельское хозяйство». Самое важное, а именно обеспечить материальные условия существования, не должно быть самым важным для того, кто во всём признаёт превосходство духа. Григора стыдился даже назвать то, что рекомендует, по имени. Поэтому говорит, «так сказать». Другие аспекты «благородства сельского хозяйства», а именно непопулярное взимание налогов и оплата ими солдат, не для гражданских войн, но, чтобы обеспечить жизнь хозяйствующих, вообще не упоминается, орошение, особенно важная составная часть сельского хозяйства в южных странах, – у автора лишь момент сравнения. Только косвенно Григора касается материального мира. В какой-то степени оправдается Гераклит. Многообразность препятствует Григору при его размышлениях в правильном направлении и ещё больше в его желании внушить читателю ум. Можно насмеяться над стилем Григоры вслед за Кавасилой, но сатира, несмотря на то, что она обнаруживает недостатки современников и изображает их преувеличенным образом, чтобы сделать себя понятной, при отсутствии положительного фактора сама по себе не является творческой. Нередко сатирики нападают и на предметы, залуживающие положительную оценку,

⁷ BEYER H.-V. Der Streit... S. 272–277.

⁸ Ibid., 279.

это видим в описании Кавасилой астрономической лаборатории Григоры – с инструментами и рисунками на стенах и на потолке⁹. Это свидетельствует о том, что Григора противопоставил то, чему научился у Птолемея, действительности, связал свою учёность с опытом.

H.-V. Beyer

**Das Problem «umfassende Bildung und Kreativität»
(auf Grund des Artikels von S. V. Krasikov)**

Ausgangspunkt der Darlegung sind zwei sich widersprechende Vorsokratiker-Zitate. Nach Kleobul von Lindos ist man entweder vielwissend oder unwissend. Nach Heraklit lehrt Vielwissenheit nicht Verstand haben. Verstand spricht Heraklit u.a. Pythagoras, Xenophanes und Hesiod ab. An den ersten beiden Beispielen läßt sich seine Behauptung leicht widerlegen. Was das Festhalten an überkommenen religiösen Vorstellungen betrifft, so ist dieses weniger durch Verstand als durch Angst bestimmt. Es hilft indessen nichts, mit Schiller den Untergang der antiken Göttervorstellungen zu beweinen. In diesem Zusammenhang gibt der Autor einige Antworten auf die Frage der historischen und gegenwärtigen Bedeutung Jesu, wenn diesem aus wissenschaftlichen Gründen das Prädikat der Gottheit abgesprochen werden muß. Am Beispiel des Nikephoros Gregoras wird dargetan, daß übermäßige Befangenheit in rhetorischer Bildung dem Wirklichkeitsbezug getaner Äußerungen entgegenläuft, ihn aber nicht vollkommen auslöscht.

⁹ См. КРАСИКОВ С.В. Иде́йная полемика в Византии 50-х гг. XIV в.: Николай Кавасила и Никифор Григора//АДСВ. 1997. Вып. 28. С. 107 и прим. 25. Источник см.: GARZYA A. Un opusculé inedit de Nicolas Cabasilas//Byzantion. 1954. T. 24. S. 530. 152–156.